

Катунин Ю.А.

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

В религиозной и научной литературе, посвященной истории Русской православной церкви периода 20-х - 30-х годов нынешнего столетия, особое внимание уделяется проблеме обновленческого движения.ⁱ В большинстве работ достаточно глубоко и серьезно анализируются причины возникновения этого явления, рассматривается деятельность лидеров обновления, а также взаимоотношения обновленческих течений с государством.

Вместе с тем можно отметить, что большинство работ страдает односторонностью освещения проблемы. Появление обновленческого движения в православии рассматривается как *внутрицерковальная* борьба, возникшая в результате деятельности незначительной части высшего и среднего духовенства, попытавшегося захватить власть в церкви и использовавшего для этого репрессивный аппарат советского государства и доверие определенной части прихожан. В подавляющем большинстве работ лидерам обновленческого движения даются самые нелестные оценки, очень часто они изображаются как авантюристы, предавшие интересы православия. В то же время лидеры официальной церкви изображаются как мужественные и стойкие борцы не только с религиозной ересью, но и с враждебным атеистическим государствомⁱⁱ.

Постараемся отойти от устоявшихся стереотипов и попытаемся раскрыть более глубокие причины, породившие это явление.

В настоящее время во всей литературе прослеживается тенденция обвинения большевиков в жестком, негативном отношении к православной церкви. Утверждается, что причина всех ее бед – в деятельности тоталитарного государства, с первых дней существования которого был развязан террор в отношении религии. Автор не является сторонником коммунистической и тем более большевистской теории построения общества. Однако мы не можем согласиться с некоторыми утверждениями, искажающими исторические факты. Для того, чтобы ответить на вопрос о причинах раскола в церкви в XX веке, мы должны кратко проанализировать события, исторически предшествовавшие этому процессу, проведя определенные исторические параллели, начиная с XVII века.

К середине XVII века в России сложились достаточно напряженные отношения между государством и Русской православной церковью. Причина этих осложнений заключалась в том, что церковью предпринимались попытки вмешательства в дела государства, подчинения светской власти духовной. Особенно остро это проявилось в конфликте между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Столь независимая и достаточно жесткая политика православных иерархов в отношении государства объяснялась тем, что церковь была *юридически и экономически* независима от него. Она владела колоссальными земельными наделами, на которых работали сотни тысяч душ крепостных крестьян. В конце XVII века в распоряжении духовенства России было 8,8 млн. десятин земли.ⁱⁱⁱ К православной церкви было приписано 150 тысяч крестьянских дворов. Крупнейшим землевладельцем России являлась Троице – Сергиева лавра. В 42 уездах государства ей принадлежало около 150 тысяч десятин земли, к которой было прикреплено около 20 тысяч крепостных крестьянских дворов, в которых проживало около 200 тысяч душ крепостных крестьян обоего пола^{iv}. В конце XVII века на втором месте после Троице-Сергиева монастыря по количеству дворов был Патриарх. Он владел 9,5 тысяч дворов, в которых проживало 90 тысяч крепостных крестьян. Затем следовали монастыри: Кириллов (белозерский) – 5316 дворов, 50 тысяч человек, Спасский (ярославский) – 4050 дворов, 40 тысяч человек, Ипатьев – 3684 двора, 35 тысяч человек, Чудов – 3065 дворов, 30 тысяч человек, Спасо-Евфимьев (суздальский), Новоспасский и Симонов (московские) – свыше 2,5 дворов, 20 тысяч человек у каждого и др.^v

С приходом к власти Петра I для церкви наступили неблагоприятные времена. С ликвидацией в 1721 году патриаршества и учреждением Святейшего Синода церковь потеряла свою *юридическую* независимость. Она стала частью бюрократической машины Российской империи, созданной великим реформатором. На нее были возложены 3 государственные функции -

запись актов гражданского состояния, начального образования и фискальная. Однако придание государственного статуса православной церкви не только не подорвало ее **экономическое** могущество, а даже укрепило его. Так, ко времени царствования Екатерины II, из 10 крупнейших землевладельцев России 7 являлись монастырями.^{vi} Екатерина II вынуждена была несколько ослабить это могущество, проведя секуляризацию земель, выкупив их у церкви. Однако это не сказалось серьезно на экономике православной церкви. В XVIII - XIX веке значительно возросли внутрицерковные доходы. Так, только лишь кружечный сбор в 1841 году составил 1 837 755 рублей. К 1891 году он возрос до 5 840 475 рублей.^{vii} С развитием буржуазных отношений в России церковь начинает активно заниматься предпринимательской деятельностью, включая и банковскую сферу. Церковь в Синодальный период искренне служит самодержавному строю, освящая его божественной властью и получая за эту деятельность **экономическую** поддержку со стороны бюджета государства.

В распоряжении церкви была недвижимость – фабрики, заводы, пароходства, она обладала монополией на определенные виды деятельности, в частности, в производстве спиртных напитков, и так далее. Все это приносило церкви достаточно большие денежные средства. Помимо этого церковь получала солидный доход от своей внутрицерковной деятельности – треб, продажи религиозной атрибутики, свечей, литературы, организации различных сборов. Периодически церковь получала поддержку и из государственной казны.

В начале 1917 года происходят бурные события, приведшие к свержению династии Романовых. Русская православная церковь практически не предпринимает никаких усилий для защиты существующего строя. Потому что изменение государственной системы никоим образом не повлияло на ее **экономическое** положение. Более того, новые органы власти, в лице Временного правительства, разрешают церкви созвать Поместный собор, основным вопросом которого являлось отделение церкви от государства, т.е. восстановление **юридической** независимости. Через 196 лет после его ликвидации в России вновь было восстановлено патриаршество. Незадолго до Октябрьской революции 1917 года новым главой церкви был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон.

Для того, чтобы глубже понять причины конфликта, определившего взаимоотношения церкви и государства после октября 1917 года, кратко рассмотрим такие понятия, как "переворот", "революция" и "контрреволюция". Это нам понадобится для того, чтобы устранить излишнюю идеологизацию при дальнейшем употреблении этих терминов.

Во многих исторических работах последнего десятилетия авторы пытаются представить события октября 1917 года как переворот, совершенный группой заговорщиков, создавших впоследствии тоталитарную систему. В данном случае новизна этих исследований заключается в том, что их авторы подменяют понятие "революция" понятием "переворот". Однако по своей сути это совершенно разные явления, имеющие одну общую основу, связанную со сменой руководства государством. При этом переворот является событием, совершаемым группой лиц с целью захвата власти. Переворот в государстве, как правило, не приводит к кардинальным изменениям в жизни общества.

Революция же по своей сути – явление более сложное. Она приводит не просто к ломке определенных устоев жизни общества и замене власти, но и характеризуется крайне радикальными методами проведения изменений, связанных со сменой формы собственности, ведет к диктатуре одних социальных групп над другими, к насилию при проведении преобразований, включая и физическое уничтожение во имя "идеалов революции", с активным участием в этих процессах достаточно большого числа населения. Поэтому события октября 1917 года трудно определить как государственный переворот. Это радикальные преобразования, совершенные при участии значительных масс населения России, повлекшие за собой не просто ограничения для жизнедеятельности представителей интеллигенции и буржуазного сословия, но и смену формы собственности.

Столь жесткий радикализм в преобразованиях привел к возникновению гражданской войны, унесшей сотни тысяч жизней и искалечившей физически и духовно миллионы гражд-

дан России. Поэтому события октября 1917 года и последующие годы – это время революционных потрясений. Используя в дальнейшем термин "революция", мы не будем вкладывать в него какой-либо идеологической нагрузки, характеризующей данное явление как положительное или отрицательное. Это не является предметом нашего исследования. Такой подход позволит посмотреть на причины конфликта между государством и церковью со стороны. Термин "контрреволюция" мы будем использовать как, противодействие революции – и не более.

Анализируя весь 70-ти летний период взаимоотношений государства и церкви в советское время, можно согласиться с тем, что действительно, в целом, это была политика давления, а на некоторых этапах и гонений, включающих и физическое насилие.

Всю историю взаимоотношений государства и церкви в советское время можно разделить на ряд этапов. *Первый* период – начиная с октября 1917 года и до середины 20-х годов. *Второй* – с середины 20-х годов – до начала Великой Отечественной войны. *Третий* период – от начала войны и до середины 50-х годов. *Четвертый* – середина 50-х - вторая половина 80-х годов. *Пятый* период – вторая половина 80-х годов – по настоящее время. Каждый из этих периодов, за исключением пятого, имеет общий момент – ограничения деятельности церкви со стороны государства. В свою очередь, степень этих ограничений на каждом из этапов была разной – периоды ограничений, перераставших в насилие, сменялись периодами лояльности.

Наиболее жестко взаимоотношения государства с церковью строились во времена *второго* и *четвертого* периодов. Для третьего периода характерны определенные послабления политики гонений и частичная стабилизация в деятельности церкви. *Пятый* период – это время отказа государства от тактики силового давления и переход к политике сотрудничества с церковью.

Особо следует остановиться на первом периоде. Как мы уже отмечали, если исходить из общей канвы рассуждений о причинах конфликта церкви и государства, то получается, что их единственным инициатором являлось государство. Посмотрим на эту проблему с иных позиций.

По мнению канадского ученого Д.В. Пospelовского, написавшего наиболее фундаментальную и глубокую работу^{viii} по проблемам взаимоотношений советского государства и церкви, русское православие входило в революционную эпоху как мощная организация. Официально в Российской империи было "117 млн. православных христиан, которые проживали в 67 епархиях, управляемых 130 епископами, и 50 с лишним тысяч священников и диаконов служили в 48 тыс. приходских храмов. В ведении Церкви находилось 35 тыс. начальных школ и 58 семинарий, а также больше тысячи действующих монастырей с почти 95 тыс. монашествующих."^{ix}

Временное правительство, пришедшее на смену самодержавному строю, принимает ряд постановлений, подрывающих влияние православия в обществе. Так, 20 марта 1917 публикуется постановление "Об отмене вероисповедных и национальных ограничений", которое объявляет равенство всех религий перед законом и устраняет национальные и религиозные ограничения.

20 июня 1917 года Временное правительство национализирует частное образование и ликвидирует систему церковного обучения верующих (за исключением семинарий и духовных училищ), отбирая у православия более 35-ти тысяч церковных школ, являющихся базой для распространения религиозного влияния среди подрастающего поколения. Несмотря на то, что эти решения серьезно подрывали влияние православия в обществе, они не вызвали бурного протеста со стороны руководства церкви.

Временное правительство, идя на уступки церкви, разрешает начать работу по созыву Поместного Собора, а 25 июля 1917 года смещает с поста обер-прокурора неугодного церковным кругам В.Н. Львова и назначает на эту должность молодого церковного историка А.В. Карташева. 5 августа Временное правительство создает новое министерство по делам испове-

даний. Должность обер-прокурора ликвидируется. Первым министром назначается А.В. Карташов. Таким образом, в нарушение своего же постановления от 20 марта 1917 года, господствующим в обществе вновь признается лишь одно религиозное направление.

18 августа 1917 года, после 217-летнего перерыва, начал работу Поместный Собор православной церкви, на который было избрано 564 делегата, среди которых было 80 архиереев, 129 пресвитеров, 10 диаконов, 26 псаломщиков, 20 монашествующих и 299 мирян.^x Делегацию от Таврической епархии возглавлял архиепископ Димитрий (князь Абашидзе). Поместный Собор завершил свою работу 7 сентября 1918 года. За это время был принят ряд важных документов, изменивших статус церкви и оказавших серьезное влияние на будущее развитие православия.

Однако на Соборе была допущена ошибка. Церковь, еще до избрания патриарха, на заседаниях Поместного Собора, а затем уже и в лице самого главы церкви, втянулась в *политическую* борьбу с новым государством, появившимся в октябре 1917 года, допуская достаточно бескомпромиссные высказывания как в адрес новой государственной системы, так и ее отдельных лидеров. Вполне естественно, что такой подход не только не способствовал сглаживанию возможных противоречий, но, наоборот, усугублял их, подталкивая государство к принятию радикальных решений. Среди значительной части участников Поместного Собора существовали надежды на то, что советская власть - явление недолговечное, поэтому они отходили от канонического признания божественности любой власти, допуская не просто неуважение к новому строю, но и фактически призывая к его анафеме. Мы уже отмечали пассивное отношение церкви к серьезным ограничениям ее деятельности в сфере образования, принятым Временным правительством. В то же время аналогичные реформы большевистского правительства, практически с первых дней его существования, сразу же вызвали реакцию противодействия.

В начале 90-х годов XX века, в связи с канонизацией патриарха Тихона, некоторые высшие деятели православной церкви допускали в средствах массовой информации высказывания о том, что вновь избранный патриарх занял жесткую позицию в отношении нового государства, как человек, "изначально понявший реакционную сущность нового строя."

По нашему мнению, столь жесткая позиция главы церкви в отношении советской власти в начале XX века была порождена не идеологическими лозунгами большевиков, декларированными в ходе революции и отвергаемыми церковью, а экономической политикой нового государства. Первый же Декрет "О земле", принятый в первые часы революции, существенно подорвал *экономическое* могущество церкви и передал ее земли в распоряжение крестьян. Практически через несколько дней это породило жестко отрицательную реакцию Поместного Собора в отношении данного решения. В свою очередь, государство форсирует принятие Декрета о земельных комитетах, по которому земли, "включая и все церковные и монастырские, отбирались в руки государства".^{xi}

25 октября 1917 года в Петрограде было свергнуто Временное правительство. 28 октября в Москве, на территории Кремля, где в это время проходил Собор, разразились военные действия. Юнкера отказались подчиниться требованиям восставших, и это привело к кровопролитию. Во всех работах, посвященных Собору, отмечается, что некоторые участники высшего церковного форума, в частности Таврический архиепископ Димитрий (князь Абашидзе), взяли на себя функции медбратьев, перевязывая раненых, а также приводятся документы, свидетельствующие о призывах Собора к прекращению кровопролития. Однако авторы этих работ не упоминают доклад Поместному Собору, подготовленный комиссией во главе с епископом Камчатским Нестором, о состоянии церквей и храмов Кремля после военных действий. В нем в самых жестких тонах характеризуется лишь деятельность нападающей стороны. В докладе допускаются определения типа "красного контроля", приведшего "к осквернению церквей" и другие достаточно негативные оценки новой власти. По решению Собора этот доклад был отпечатан 10-ти тысячным тиражом для распространения среди жителей столицы. Значительная часть этого тиража, как явно провокационного, была изъята

большевиками. Так в первые же дни революции высший орган церкви стал провоцировать конфликты с государством.

15 ноября 1917 года на соборе с докладом о положении Церкви в государстве выступил профессор С. Булгаков. Он утверждал, что "гражданская, как и всякая другая, власть должна воспринимать саму себя как христианское служение, иначе "государственность превратится в царство зверя".^{xii}

Доклад послужил основанием для принятия Собором 2 декабря 1917 года определения "О правовом положении Православной Русской Церкви", в котором православная церковь объявляется господствующей, "пользующейся правами *юридического* лица; *главой государства*, а также *министрами* исповеданий и просвещения должны быть лица *православного исповедания*; о признании церковных школ всех ступеней и их дипломов наравне с государственными об обязательности; преподавания Закона Божьего в государственных школах для детей православных родителей; об освобождении духовенства от воинской повинности. Церковь должна обладать неотъемлемым правом владения имуществом и получать дотации от государства на определенные ее нужды".^{xiii} Ответом на это послужило принятие государством ряда декретов.

11 декабря 1917 года государством издается Декрет о передаче всех церковных школ в ведение Комиссариата просвещения, а 18 декабря 1917 года появляется декрет, отбирающий у церкви государственную функцию записи актов гражданского состояния.^{xiv}

Таким образом, к началу 1918 года церковь прекратила выполнять функции государственной структуры, которые были возложены на нее при Петре I. С одной стороны, это ликвидировало определенную *юридическую* власть церковных чиновников над населением, с другой стороны – устранялся важный *источник доходов*, который приносила эта деятельность.

19 января 1918 года патриарх Тихон выступает с посланием, которое, по своей сути, являлось анафемой революции, т.е. призывом к контрреволюционной деятельности на местах. "Тяжкое время, – говорилось в Послании, – переживает наша святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины... Святые храмы подвергаются или разрушению... или ограблению и кощунственному оскорблению..., чтимые верующим народом обители святые захватываются безбожными властелинами тьмы века сего... Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых? Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: встаньте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей... противостаньте им силою вашей, вашего властного всенародного вопля.. А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собой".^{xv} В настоящее время подавляющее большинство религиозных авторов пытаются убедить читателей в том, что в этом послании речь идет не о государстве, а о всех врагах православия, посягнувшим на его суверенитет и собственность. При этом допускается одна неточность. Послание не является протестом против деятельности различных течений, осквернявших храмы в 18-20-х годах. Оно возникло в *конкретное* историческое время и по *конкретному* поводу, ранее тех событий, о которых пишут эти авторы. Через несколько дней после этого послания большевики публикуют декрет, вводящий на территории государства свободу совести.

Реализуя программу своей партии, принятую в 1903 году, в которой говорилось о необходимости создания светского государства и введению принципа свободы совести, большевики начинают ее воплощение в жизнь практически с первых дней насильственного свержения Временного правительства.

К началу 1918 года были подготовлены все необходимые условия для издания закона о секуляризации общественной жизни. 23 января 1918 года был опубликован декрет "Об отделении церкви от государства и школы от церкви".^{xvi} Декрет устранял монополию православной церкви над духовной жизнью граждан России. Это приводит к окончательному разрыву

церкви с государством. Еще более осложняет эти отношения послание к пастве от 18 марта 1918 года, в котором Тихон откровенно вмешивается в *политику* государства и осуждает подписанный большевиками Брест-Литовский договор.

19 апреля 1918 года Поместный собор принял специальное "определение" в адрес некоторых членов епископата и духовенства, лояльно отнесшихся к введению декрета о свободе совести. Собор осудил как "богопротивников" некоторых "епископов, клириков, монашествующих и мирян, не покоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному церкви гражданскому начальству". Епископы и священнослужители, "содействующие проведению в жизнь враждебных церкви положений декрета о свободе совести и подобных ему актов, подлежат запрещению в священнослужении и в случае нераскаяния извергаются из сана". Для мирян вводилось наказание в виде отлучения от церкви.^{xvii}

В канун первой годовщины революции Патриарх обратился с посланием к Ленину, в котором он достаточно жестко характеризовал проводимую им политику, обвиняя новое государство и его лидеров в кровавом терроре. В послании главой церкви выдвинуты политические требования в адрес власти. В будущем это послание не только осложнило положение церкви в обществе, но и явилось своеобразным сигналом к участию церковнослужителей в борьбе с большевиками на стороне контрреволюции.

С началом гражданской войны взаимоотношения церкви и государства еще более обостряются. Несмотря на то, что церковное руководство во главе с Тихоном находилось на позициях молчаливого несогласия с новой властью, на местах церковные деятели принимали самое активное участие в контрреволюционных выступлениях. Можно выделить три направления подобной деятельности : *материальное, духовное и физическое* участие в борьбе с большевиками. Достаточно много об этом написано в литературе советского периода и более завуалированно – в современной религиозной литературе. Все армии белого движения материально и духовно поддерживались православными церквями, находившимися на их территории, а в большинстве из них действовали воинские объединения, составленные из числа верующих фанатиков и носившие имена христианских святых. Особенно активно действовали эти воинские формирования в армии барона Врангеля в Крыму, в последний период гражданской войны.

После окончания гражданской войны противостояние церкви и государства не только не ослабло, а вспыхнуло с новой силой. Это было связано с трагическими событиями голода 21-22 годов, поразившего большинство губерний и унесшего миллионы жизней граждан России и Украины. Голод затронул и Крым. В это время от голода погибло до половины населения в городах Бахчисарае и Карасу-Базаре, многие села полностью опустели, в связи со смертью жителей. Обыденным явлением в эти годы стали акты каннибализма.

Первая мировая война серьезно подорвала экономику государства. Гражданская война привела ее к полнейшему краху и хаосу. После окончания войны советское государство находилось в политической изоляции, поэтому все проблемы, связанные с ликвидацией последствий голода, оно вынуждено было решать самостоятельно, за счет внутренних резервов, которых у него фактически не существовало. Поэтому большевиками было принято решение о подключении церкви к решению проблемы обеспечения населения продовольствием. Под председательством Патриарха Тихона был создан "Всероссийский общественный комитет помощи голодающим" (Помгол), в состав которого вошли известные общественные деятели Прокопович, Кишкин, Кускова. Помгол занимался сбором и распределением помощи голодающим. Однако его деятельность была неэффективной, и 27 августа 1921 года он был распущен. Вместо него при ВЦИКе была образована "Центральная комиссия помощи голодающим". Учитывая критическую ситуацию, сложившуюся с обеспечением населения продовольствием, в *декабре* 1921 года комиссия обращается к патриарху Тихону с просьбой о пожертвовании церковью части ценных вещей для закупки продовольствия за рубежом. Комиссия гарантировала церкви от имени государства возврат сумм за выделенные ценности при

стабилизации экономики. Несмотря на сложность ситуации, связанной с голодом, и необходимостью принятия экстренных мер по его ликвидации, Патриарх более трех месяцев изучал данное послание. Лишь во второй половине *февраля* 1922 года он издал воззвание, в котором призывал приходы к пожертвованиям драгоценных вещей, которые не имели богослужебного употребления. Вполне естественно, что жертвователей не оказалось. Это привело к тому, что 23 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих.

Является ли этот акт актом вандализма, как утверждают некоторые исследователи, обвиняя большевиков в ограблении церкви? Если учесть критическую ситуацию в обществе, связанную с гибелью сотен тысяч людей от голодной смерти и отсутствием средств для ее решения, то этот акт можно считать правомочным. Почему церковь, наблюдая муки и страдания своей паствы, сама не сочла возможным выполнить святую заповедь и накормить страждущих? Может быть, за этим стояли политические амбиции руководства церкви, пытавшегося использовать страдания народа для свержения ненавистной власти? Если говорить о материальном положении различных структур общества ко времени голода, то одной, если не единственной богатой структурой в обществе оставалась православная церковь. Большевики, декларировавшие в своих декретах тезисы о "передаче богатств" церкви во всенародное достояние, так и не реализовали их в полном объеме. В распоряжении церкви находились не просто золотые вещи, необходимые для богослужебных целей, но и уникальные вещи, имеющие не только общенациональное, но и мировое значение. Более того, церковь не смогла сохранить шедевры национального творчества, хранившиеся в патриаршей ризнице, и они были похищены в 1918 году. И только лишь благодаря усилиям уголовного розыска г. Москвы они были возвращены обществу.

Патриарх отреагировал на кампанию изъятия новым посланием к пастве, в котором он указал на недопустимость изъятия предметов, "употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается ею как святотатство – миряне отлучением от нее, священнослужители – извержением из сана".^{xviii} Это послание было разослано в епархии. На основании этого послания приходские советы приняли решение о запрете на изъятие из храмов богослужебных предметов. Это привело к актам кровопролития и как следствие этого – к судебным разбирательствам, вынесшим достаточно суровые приговоры в адрес виновных. Особое сопротивление органам власти оказали священники Московской епархии. Весной 1922 года, в ходе судебных разбирательств, связанных с кровопролитием при изъятии церковных ценностей в фонд голодающих, большая группа священников была осуждена, некоторые из осужденных были приговорены к высшей мере наказания. В ходе судебного следствия патриарх Тихон привлекался в суд в качестве свидетеля. Однако в ходе судебных слушаний стало ясно, что он является вдохновителем противодействия органам власти. Это стало поводом для организации судебного расследования в отношении главы церкви. На патриарха было заведено уголовное дело, он был подвергнут домашнему аресту.

16 июня 1923 года через средства массовой информации Патриарх Тихон обратился в Верховный суд с просьбой об освобождении его из-под стражи. В заявлении он признал себя виновным в организации антигосударственных выступлений: "Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафемствование в том же году власти, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году.., я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из-под стражи. При этом заявляю Верховному суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции".^{xix}

Как можно оценить данный поступок главы церкви, длительное время являвшегося вдохновителем антигосударственных действий? Что это – признание своей неправоты в борьбе с государством, или же слабость, проявленная обыкновенным человеком перед лицом возможного жестокого наказания? Если это признание своих ошибок, тогда можно говорить об определенной вине руководства православия, приведшего церковь на грань катастрофы и не стоит говорить только лишь о реакционной роли большевиков в отношении религии в этот период. Может быть, это обращение возникло под пытками в тюремных застенках власти? Однако таких фактов нет. Если же это слабость, проявленная, уставшим от борьбы человеком, устранившимся возможного наказания за свои действия, тогда следует изменить акценты моральной оценки его деятельности, так как в результате политики, проводимой патриархом, уже появились первые человеческие жертвы – погибли церковно и священнослужители, искренне выполнявшие, по велению патриарха, свой долг перед церковью.

По-разному можно оценивать акты насилия в отношении церкви в марте 1922 года, связанные с изъятием золотого запаса. Все зависит от нравственных ценностей личности. Если для человека основой жизни является золотой телец, а не человеческая жизнь, тем более жизнь сотен тысяч людей, погибающих от голода, тогда он имеет моральное право говорить о варварстве большевиков в этот период, не сумевших накормить весь народ, но спасших благодаря этому акту генофонд страны – сотни тысяч детей, в созданных для этих целях коммунах и специальных столовых. Все другие экспроприации у церкви, последовавшие в конце 20-х – начале 30-х годов для нужд коллективизации и индустриализации **бесспорно** являются не только актами вандализма, но и фактами уголовного ограбления церкви.

Таким образом, не только государство, но и бескомпромиссная политика самой церкви привела ее к конфликту с большевистским государством и поставила ее в будущем на грань гибели. Все последующие раскаяния патриарха Тихона и его ближайшего окружения были бессмысленны – тоталитарным государством был включен маховик возмездия. И если до середины 20-х годов государство боролось с церковью на уровне законов, то со второй половины 20-х годов начался разворачиваться и идеологический фронт борьбы с религией, в виде атеистической пропаганды, который, в сочетании с методами насилия, привел к значительному снижению числа религиозных организаций и общего числа верующих.

Таким образом, проведя краткие сравнения двух периодов жизни церкви – конца XVII – первой половины XVIII веков и 20-х годов XX века, мы видим, что общим для них была излишняя **политическая** деятельность лидеров церкви, которая привела к конфликту с государством, к ограничениям в деятельности церкви: – в XVIII веке к **ликвидации патриаршества** и учреждению Святейшего Синода, а в XX веке – к **жестким ограничениям**, едва не приведшим к полной ликвидации церкви.

Кратко рассмотрев политику церковного руководства, постараемся ответить на вопрос: "Каковы причины появления оппозиционного обновленческого движения в церкви?" Как уже отмечалось ранее, основная часть исследователей связывает появление обновленческого течения с отрицанием значительной частью духовенства политики патриарха Тихона, которая приводила к ненужным осложнениям с государством, т.е. рассматривается как **внутрицерковная** борьба. При этом совершенно не рассматривается вопрос об отношении верующих к проблеме конфликта между государством и церковью.

Почему партия большевиков смогла не только завоевать власть в ходе революции, но и выстоять в ходе гражданской войны? На этот вопрос существуют десятки различных ответов. Однако главным из них всегда будет один – потому что большевики были поддержаны подавляющим большинством населения, в первую очередь крестьянством. И если победу в ходе самой революции можно объяснить тем, что народу были обещаны конкретные блага, в частности, крестьянам – земля, то победа большевиков в ходе гражданской войны объясняется тем, что их обязательства были выполнены. Большевики не просто декларировали лозунг "Земля – народу", им его удалось частично реализовать на практике. Значительная часть беднейшего крестьянства уже в первые годы советской власти смогла ощутить на себе результаты

революционных преобразований, получив земельные наделы и существенно улучшив свой жизненный уровень. Коренным образом изменился социальный состав деревни. Численное, господствующее положение в ней стал занимать *средняк*, а не бедняк. И вопрос победы в войне был один - на чьей стороне будет эта многочисленная социальная группа крестьян. Завоевав, в том числе благодаря и середняку, служившему в различных армиях, ту или иную территорию, белое движение немедленно ставило вопрос о возврате земли прежним владельцам. Это подрывало социальную базу контрреволюции. И если рабочие поддерживали большевизм скорее по идеологическим соображениям, поверив в лозунги будущего переустройства общества, то крестьяне на практике уже смогли ощутить предпочтения новой системы, получив земельные наделы, в том числе и за счет православной церкви, поэтому они шли в армию большевиков скорее не по *идеологическим*, а по *экономическим* соображениям, они шли защищать свою новую собственность.

Вступившая в конфликт с государством православная церковь, в лице ее высшего духовенства, должна была рассчитывать на поддержку своей политики не только среди клерикальных кругов, но и, в первую очередь, среди верующих мирян. Однако длительный, затянувшийся конфликт государства и церкви был губителен для последней. Борьба церкви с государством, которое существенно улучшило условия жизни значительной части деревенского населения, могла начать формировать негативное отношение к церкви со стороны наиболее религиозной части населения России - крестьянства. Политика конфронтации приводила не только к расколу в церкви, но и к ее *самоликвидации*. Экономическое ухудшение положения церкви, инициируемое большевиками, на практике приводило к улучшению положения значительной части населения, и это не могло не сказаться на его отношении к советской власти. Введение большевиками НЭПа способствовало резкому подъему всей экономики страны, восстановлению разрушенных предприятий, созданию новых рабочих мест, а самое главное, повышению уровня жизни всех слоев населения. Поэтому церковь в *экономическом* плане проигрывала государству борьбу за паству в первые годы советской власти. Этого не понимало лишь высшее руководство церкви, оторванное от народа, но это понимали отдельные представители духовенства во главе с митрополитом А.Введенским, призывавшие патриарха Тихона отказаться от политики конфронтации с большевиками и стать на путь компромисса, сформировавшие в этих условиях в церкви движение, которое принято называть обновленческим. Сам процесс становления, развития и ликвидации обновленческого движения достаточно хорошо освещен в исторической и религиозной литературе, поэтому мы не будем заострять на этом внимание.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нельзя однозначно оценивать взаимоотношения государства и церкви с момента его возникновения и до середины 20-х годов. Многие проблемы церкви в это время возникли не только по вине государства, но и спровоцированы самой церковью, ее высшим руководством, а возникновение обновленческого движения - это попытка наиболее радикальных кругов религиозных деятелей православия спасти церковь не только от угрозы ее ликвидации со стороны органов государственной власти, но и от устранения угрозы ее саморазрушения, самоликвидации.

ⁱ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511с.; Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви. 1917 – 1990. Учебник для православных духовных семинарий. – Московская патриархия. Изд. дом Хроника, 1994. – 253 с.; Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка “обновленческого” раскола Русской православной церкви. – Казань: Университетское издательство, 1970. – С. 14-26; Гордиенко Н.С. Современное русское православие. Л., 1988. – С.27-37 и др.

ⁱⁱ Поспеловский Д.В. Указ. соч. – С. 35-80; Протоиерей Владислав Цыпин. Указ. соч. – С. 9-74.

ⁱⁱⁱ Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – С.534.

^{iv} Там же. – С. 539.

^v Там же. – С. 540.

^{vi} Семевский В. Крестьяне духовных вотчин во второй половине XVI века. – М.: Русская мысль, 1888. – С.209.

^{vii} Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX - начало XX века.) – Симферополь: Таврия, 1995. – С.54.

-
- viii Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
- ix Там же. – С.35.
- x Протоиерей Владислав Цыпин. Указ. соч. – С.9.
- xi См. О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – 2-е изд., – М: Политиздат, 1981. – С.114-125.
- xii Поспеловский Д.В. Указ. соч. – С.56.
- xiii Там же. – С.57.
- xiv О религии и церкви... – С. 124.
- xv Протоиерей Владислав Цыпин. Указ. соч. – С.29.
- xvi О религии и церкви..., – С.114.
- xvii См. Церковные ведомости. – 1918. – № 17-18. – С. 96-97.
- xviii Протоиерей Владислав Цыпин. Указ. соч. – С.46.
- xix Известия ВЦИК. – 1923. – 1 июля.